

INSPIRIA

18+

!

САД
ТВОЕЙ
ЛЖИ
ЛИЗ
НЬЮДЖЕНТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

INSPIRIA

Лиз Ньюджент

Сад твоей лжи

Серия «Ток. Главный детектив года»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73896512
ISBN 978-5-04-246794-3

Аннотация

От автора мирового бестселлера «Странная Салли Даймонд»
Национальный бестселлер № 1

Мрачный психологический триллер об одержимости, лжи и предательстве, вскрывающий самые грязные человеческие пороки

Настоящие монстры могут таиться даже в твоём собственном доме...

Лидия

Мой муж не хотел убивать Энни Дойл, но лживая оборванка заслужила. Моя роль состояла в том, чтобы быть идеальной домохозяйкой, женой и матерью. И я никому не позволю разрушить мою семью. Даже если для этого придется убить мерзкую девчонку и закапать ее в саду.

Карен

В последний раз я видела мою сестру Энни в ее съемной квартире в четверг. Она была чем-то взволнована и хотела

наладить свою жизнь. Но потом она пропала. Полиция не особо рвалась расследовать исчезновение девушки с сомнительной репутацией, только я не собиралась сдаваться. Я найду Энни. Живой или мертвой.

Лоуренс

В пятницу я впервые остался у своей девушки. Именно у нее дома я провел вечер, когда мой отец убил Энни Дойл. Утром я сразу понял, что что-то не так. Отец был странно взвинченным и нервным. А вскоре к нам пришла полиция. Я стал одержим Энни и ее историей. Тогда я даже представить не мог, что ее смерть не только навсегда изменит нашу семью, но и приведет к ужасающим последствиям в будущем.

«Исключительный роман. «Сад твоей лжи» потрескивает, как костер зимней ночью; вы вздрагиваете, когда приближаетесь к нему. Это завораживает» – А. Дж. Финн, автор мирового бестселлера «Женщина в окне»

«Строгая, четкая, ясная, ошеломляющая книга. В ней есть что-то зловещее как в «Повороте винта», но когда эти винты поворачиваются, возникает сильное напряжение. Мастерски» – Себастьян Барри, современный ирландский автор бестселлера «Скрижали судьбы»

«Напряженный, тягучий, почти готический триллер... невозможно оторваться от чтения» – Мэриан Кейз, автор бестселлеров *New York Times*

«Мрачно-забавная, жутковатая книга с одним из самых тревожных финалов, которые я когда-либо читала!» – Робин Хардинг, автор международных бестселлеров

«Как и в романе «Разоблачение Оливера Райана», здесь речь идет о том, почему это произошло, а не о том, кто это

сделал, и настоящая суть заключается в исследовании Ньюджент тем материнства, психических заболеваний и того, что может толкнуть человека на убийство... Захватывающий роман, полный лжи и предательства, а также жутких отношений между матерью и сыном» – Kirkus Reviews

«Потрясающий психологический триллер... Лидия – самая интригующая загадка; одновременно жертва и злодейка, она вызывает жалость, возмущение и ужас. В результате получается невероятно дискомфортный, но при этом совершенно захватывающий читательский опыт» – Publishers Weekly

«Леденящая душу история о психике социопата... Читатели, которые любят зловещие психологические триллеры обязательно прочтут эти страницы» – Library Journal

«В этом потрясающем произведении Ньюджент представляет незабываемый состав персонажей... восхитительно... каждый должен купить эту книгу, как только она появится в продаже» – Booklist

«Мрачный, захватывающий психологический триллер» – PEOPLE

«Действительно выдающийся» – Crime by the Book

«Как только вам кажется, что вы во всем разобрались, Ньюджент снова переворачивает все с ног на голову. Все главные персонажи, включая убитую Энни, сложны и многогранны... и не поддаются простой классификации на «злодеев» и «героев». Читатели, которые только недавно познакомились с творчеством Ньюджент, будут в восторге от этого нового триллера и будут стремиться к тому, чтобы еще больше ее замечательных работ вышло в свет» – BookReporter

«Хотя мы знаем большой секрет Лидии и Эндрю Фитцсимонсов к концу первого предложения книги Ньюджент, то, почему они это сделали, остается загадкой... Секрет, возможно, раскрыт, но интрига остается» – Brit + Co

«Ньюджент рассказывает блестящую историю – захватывающую, ужасающую, леденящую душу... перед сюжет невозможно устоять, а сам текст написан великолепно... Если вам нравятся психологические триллеры, то «Сад твоей лжи» – идеальный вариант» – Fredericksburg Freelance Star

«Идеально подходит для тех, кто уже прочитал «Женщину в окне» и ищет новое захватывающее чтение» – The Amazon Book Review

«Лиз Ньюджент, чей дебютный роман «Разоблачение Оливера Райана» получил высокую оценку критиков, подняла планку в этой книге, представив мрачную и запутанную историю об убийстве, лжи и секретах, которые лучше оставить похороненными» – BookPage

«Напряженная... леденящая душу история с неожиданным финалом, от которого захватывает дух» – Bustle

«Эта книга столь же жестока, сколь и прекрасна, с самым запоминающимся финалом года» – CrimeReads

Содержание

Часть I. 1980	9
1. Лидия	9
2. Карен	23
3. Лоуренс	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лиз Ньюджент

Сад твоей лжи

Liz Nugent

LYING IN WAIT

Copyright © 2016 by Liz Nugent This edition is published by arrangement with Marianne Gunn O'Connor Literary, Film & TV Agency and The Van Lear Agency LLC

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

© Масленникова Т. А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Для Ричарда, со всей любовью

*Холодное небо сверкало над нами;
Объята морозом, дремала земля.
Кругом и луга, и леса, и поля,*

Часть I. 1980

1. Лидия

Мой муж не хотел убивать Энни Дойл, но лживая обманщица заслужила. Когда мы оправились от первого шока, я постаралась убедить его больше не говорить о ней. Запретила любые упоминания до тех пор, пока мы не подтвердим свои алиби и не скроем возможные улики. Все это его ужасно расстроило, и я решила, что надо продолжать жить как ни в чем не бывало. И хотя мы не говорили об этом, я не переставая прокручивала в голове события той ночи, каждый раз мечтая изменить какой-нибудь один элемент, одну деталь; но факты есть факты, и надо с ними мириться.

Это произошло 14 ноября 1980 года. Мы обо всем условились заранее. Не об убийстве, а о встрече, во время которой мы сможем проверить ее и в случае проблем затребовать свои деньги назад. Я минут двадцать гуляла по берегу, высматривая, не попадется ли мне кто-то из людей, но беспокоиться было не о чем. В эту особенно промозглую ночь пляж был пуст. Удостоверившись, что я одна, я села на скамейку и стала ждать. Суровый ветер гнал за собой волны, и я плотнее укуталась в кашемировое пальто и приподняла воротник. Вскоре подъехал Эндрю и припарковался неподалеку от

моего наблюдательного пункта согласно моим инструкциям. Я следила за ними примерно с тридцати ярдов². Я велела ему побеседовать с ней. Но и сама хотела на нее поглядеть, чтобы оценить ее пригодность. Они должны были выйти из машины и пройти мимо меня. Но этого не произошло. Прождав десять минут, я поднялась и пошла к машине проверить, что происходит. Подойдя поближе, я услышала громкие голоса. А потом увидела, что они дерутся. Пассажирская дверь распахнулась, и Энни попыталась вырваться. Но он втащил ее обратно внутрь. Я увидела его руки, сомкнутые на ее горле. Я смотрела, как она сопротивляется, и на секунду погрузилась в подобие транса, усомнившись, не плод ли это моего воображения. Но быстро пришла в себя, поборола растерянность и побежала к машине.

– Хватит! Эндрю! Что ты делаешь?!

Мой голос звенел в моих собственных ушах, а глаза Энни в ужасе и шоке метнулись ко мне, прежде чем закатиться.

Он сразу же ее отпустил, и она с булькающими хрипами откинулась назад. Энни была почти мертва, но не до конца, так что я схватила здоровый противоугонный замок, валявшийся у ее ног, и ударила по черепу – всего один раз. Полилась кровь, Энни слегка дернулась, а потом – тишина.

Не знаю, почему я это сделала. Инстинкт?

Она выглядела младше своих двадцати двух. Я разглядела ее за вульгарным макияжем и крашеными, почти исси-

² 1 ярд = 0,91 м.

ня-черными волосами. От деформированной верхней губы к ложбинке под носом шел неровный белый шрам. Я удивилась, что Эндрю никогда о нем не упоминал. Во время борьбы с одного ее плеча слезла куртка, и я заметила кровавые болячки на сгибе локтя. На лице девушки осталось саркастичное выражение: ухмылка, которую не смогла стереть смерть. Мне нравится думать, что я сделала этой девочке одолжение, как будто освободила раненую птицу от страданий. Но она не заслуживала такой доброты.

Эндрю всегда был вспыльчивым – взрывался из-за мелких, незначительных вещей, а потом почти сразу чувствовал раскаяние и успокаивался. Но в этот раз он впал в настоящую истерику: его вой и крики мертвого могли разбудить.

– Ох, господи! Ох, боже мой! – продолжал повторять он, как будто Иисус Христос мог что-то изменить. – Что мы наделали?

– Мы? – возмущенно переспросила я. – Ты сам ее убил!

– Она смеялась надо мной! Ты была права по поводу нее. Она сказала, что я просто чурбан, и угрожала пойти в прессу. Она собиралась меня шантажировать. Я вышел из себя. Но ты... Ты завершила дело, а с ней все еще могло быть в порядке.

– Даже не... Не смей такого говорить! Идиот, кретин!

На его лице изобразилось жалкое страдальческое выражение. Во мне проснулось сочувствие. Я сказала ему взять се-

бя в руки. Надо было вернуться домой до Лоуренса. Я велела Эндрю помочь мне затащить труп в багажник. Он сквозь слезы выполнил мои указания. Я взбесилась, увидев внутри клюшки для гольфа, которыми уже год никто не пользовался; они занимали большую часть пространства, но, к счастью, тело было ожидаемо стройное, легкое и по-прежнему гибкое, так что мы смогли запихнуть ее внутрь.

– Что мы будем с ней делать?

– Не знаю. Надо успокоиться. Решим все завтра. А сейчас надо ехать домой. Что ты о ней знаешь? У нее есть семья? Кто-нибудь будет ее искать?

– Я не знаю... Она... Она вроде как упоминала сестру?

– Прямо сейчас никто не знает, что она мертва. Никто не знает, что она пропала. Нужно, чтобы так все и оставалось.

Когда в четверть первого ночи мы вернулись домой в Авалон, по теням в окне я поняла, что в комнате Лоуренса горит прикроватная лампа. Мне правда хотелось успеть домой до его возвращения, послушать, как прошел его вечер. Я сказала Эндрю налить нам бренди и пошла проведать сына. Он раскинулся на кровати и не пошевелился, когда я взъерошила ему волосы и поцеловала в лоб. *«Спокойной ночи, Лоуренс»*, – прошептала я, но он крепко спал. Я выключила лампу, закрыла дверь его спальни и пошла в ванную за валиумом, прежде чем спуститься вниз. Нужно было сохранять спокойствие.

Эндрю дрожал с головы до ног.

– Господи боже, Лидия, у нас ужасные проблемы. Может, позвонить в полицию?

Я наполнила его бокал и долила себе остатки из бутылки. Он был в шоке.

– И навсегда сломать Лоуренсу жизнь? Завтра новый день. Потом мы со всем разберемся, но, что бы ни случилось, мы должны прежде всего думать о Лоуренсе. Он не должен ничего знать.

– О Лоуренсе? При чем тут он? Что насчет Энни? О господи, мы убили ее, своими руками! Нас посадят в тюрьму!

Я не собиралась в тюрьму. Кто тогда позаботится о Лоуренсе? Я похлопала Эндрю по руке, стараясь успокоить.

– Мы все решим завтра. Никто нас не видел. Никто не сможет связать нас с девчонкой. Она бы постыдилась кому-то рассказывать, что собирается сделать. Нам просто нужно решить, куда деть тело.

– Ты уверена, что никто нас не видел?

– На берегу не было ни души. Я специально прошлась, чтобы удостовериться. Иди в постель, милый. Завтра все наладится.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую. Я выдержала его взгляд.

– Это не я ее задушила.

По его щекам потекли слезы.

– Но, может, если бы ты ее не ударила...

– То что? Она бы умерла медленнее? Или получила поражение мозга на всю жизнь?

– Мы могли бы сказать, что так ее и нашли!

– То есть *ты* сейчас хочешь поехать обратно, выбросить ее, позвонить в скорую из телефонной будки, а потом объяснить, что ты делал на набережной в первом часу ночи?

Эндрю посмотрел на дно стакана.

– Но что нам делать?

– Иди спать.

Пока мы спускались по лестнице, я слышала шум стиральной машинки. Я удивилась: с чего это Лоуренс решил устроить стирку в пятницу вечером? Это было совсем на него не похоже. Но это напомнило мне, что наши с Эндрю вещи тоже неплохо бы постирать. Мы оба разделись, и я отложила стопку вещей на утро. Почистила нашу обувь от песка и подмела полы, где мы ходили. Песок из совка я вытряхнула в сад, на выступающий участок травы под кухонными окнами. На секунду мой взгляд остановился на куске земли. Я всегда хотела разбить здесь клумбу.

Когда чуть позже я скользнула в постель, то приобняла дрожащую фигуру Эндрю, он повернулся ко мне, и мы занялись любовью, прижимаясь и впиваясь друг в друга, как двое выживших после чудовищной катастрофы.

Вплоть до прошлого года Эндрю был очень хорошим мужем. Наш брак оставался крепким на протяжении двадцати

одного года. В свое время он очень впечатлил моего папу. На смертном одре папа признался, что с легким сердцем оставляет меня в таких хороших руках. Эндрю был его стажером в «Хайленд энд Голдблатт». Папа взял Эндрю под крыло и сделал его своим протеже. Однажды, когда мне было двадцать шесть, папа позвонил домой и сообщил, что к нам на ужин придет особый гость и мне стоит приготовить что-нибудь вкусненькое и сделать прическу. *«Никакой помады»*, – сказал он тогда. У папы был пунктик на макияж. *«Не выношу этих разукрашенных лахудр!»* – говорил он об американских кинозвездах. Папины взгляды бывали очень радикальны. *«Ты моя прекрасная дочь. Не стоит покрывать позолотой лилию»*.

Мне стало любопытно, что это за гость, ради которого мне надо приодеться. Конечно, стоило догадаться, что папа запланировал нас свести. Но ему не пришлось особо утруждаться. Эндрю воспылал ко мне с первого взгляда. И приложил все усилия, чтобы очаровать. Он говорил, что готов ради меня на все. *«Я не могу отвести от тебя глаз»*, – говорил он. И действительно, его взгляд следовал за мной повсюду. Он постоянно называл меня своей наградой, своим бесценным сокровищем. Я тоже его полюбила. Папа всегда знал, что для меня лучше всего.

Период ухаживаний был короткий и очень милый. Эндрю был из хорошей семьи. Его покойный отец раньше вел педиатрическую практику, а мать, хоть и показала мне немного

своеобразной, ничего не имела против наших отношений. В конце концов, в случае женитьбы Эндрю достался бы Авалон – георгианский особняк с шестью спальнями на акре³ собственной земли в Кэбинтили, на юге графства Дублин. Эндрю хотел, чтобы после свадьбы мы купили собственный дом, но отец был непреклонен: *«Вы переедете сюда. Это дом Лидии. Дареному коню в зубы не смотрят»*.

Так что Эндрю переехал к нам, папа освободил хозяйскую спальню, а сам переместился в огромную комнату в противоположном конце коридора. Энди слегка ворчал на меня: *«Но, милая, ты разве не понимаешь, насколько это неудобно? Я живу со своим боссом!»* Признаюсь, папа действительно часто раздавал Эндрю указания, но тот быстро к этому привык. Думаю, он понимал, насколько ему повезло.

Эндрю ничего не имел против моего нежелания организовывать вечеринки или заводить дружбу с другими парами. Говорил, что вполне счастлив держать меня при себе. Он был добр, щедр и внимателен. Обычно он избегал любых конфликтов, так что мы почти не ссорились. В пылу спора он мог швырнуться каким-нибудь неодушевленным предметом, но, мне кажется, все так делают время от времени. И после такого он всегда ужасно сокрушался.

Эндрю усердно взбирался по карьерной лестнице, и наконец время на курсах по гольфу окупилось. Три года назад его назначили судьей в криминальный суд. Он стал уважаемым

³ 1 акр = 4047 м².

членом общества. Люди прислушивались к его словам, его цитировали в газетах. Он получил широкое признание как воплощение голоса разума и в юридических, и в судейский вопросах.

Но в прошлом году Падди Кери, его старый приятель, бухгалтер и партнер по гольфу, бежал из страны со всеми нашими деньгами. Я рассчитывала, что, по крайней мере, с нашими финансами Эндрю будет осторожен. Это была его работа как мужа – обеспечивать семью и следить за экономическим благополучием. Но он во всем доверился Падди Кери, и тот облапошил нас всех. Нам остались лишь долги и платежи по обязательствам, а щедрая зарплата Эндрю едва покрывала расходы.

Неужели я все же неудачно вышла замуж? Моя роль состояла в том, чтобы всегда оставаться ухоженной, красивой, очаровательной: идеальная домохозяйка, подруга, кухарка, любовница и мать. Мать.

Эндрю предложил продать часть земли девелоперам, чтобы сколотить капитал. Это предложение привело меня в ужас. Никто из людей нашего статуса не пошел бы на подобное. Я провела в Авалоне всю свою жизнь. Мой отец унаследовал его от своего отца, и я родилась в этом доме. А моя сестра в этом доме умерла. Я не собиралась даже размышлять над продажей хотя бы части Авалона. Как и не собиралась размышлять над суммой, которую мы должны заплатить девчонке.

Но нам пришлось забрать Лоуренса из чудовищно дорогой «Кармайкл Эбби» и перевести в «Сент-Мартин». Это разбило мне сердце. Я видела, что он там несчастен. Видела, что над ним издеваются из-за происхождения и выговора, но денег просто не было. Эндрю тихо продал что-то из семейного серебра, чтобы покрыть долги, и нам удалось удержать ситуацию под контролем. Ему больше не угрожало банкротство, ведь тогда он лишился бы судейского кресла. Мы никогда не жили роскошно, но некоторые излишества, к которым привыкли, начали исчезать. Он отказался от членства в гольф-клубе, чтобы продолжать оплачивать мои счета в «Свицера» и «Браун Томас»⁴. Ему ужасно не нравилось меня разочаровывать.

А теперь это? Мертвая девчонка в багажнике в гараже. Мне было жаль, что она мертва, но я бы вряд ли не решилась или не отважилась придушить ее сама, с учетом обстоятельств. Мы просто хотели вернуть свои деньги. Я все думала про шрамы на ее руках. Я видела документалку про героиновых наркоманов по Би-би-си, а новости про новую героиную эпидемию были во всех газетах. Мне казалось очевидным, куда она пустила наши деньги, как будто наши потребности и желания не имели никакого значения.

И пока Эндрю беспокойно засыпал, периодически вскрикивая и постанывая, я строила планы.

⁴ Розничные сети премиум-класса в Ирландии.

Следующее утро было воскресным, так что Лоуренс проспал допоздна. Я попросила Эндрю говорить как можно меньше. Он с готовностью согласился. В его глазах была жуткая пустота, а дрожь со вчерашней ночи не уходила из голоса. У них с Лоуренсом всегда были напряженные отношения, так что они вряд ли решили бы поболтать. Я планировала отослать Лоуренса из дома на весь день – по какому-нибудь поручению или по другому поводу, пока Эндрю закапывает девчонку в саду. Эндрю был шокирован, что мы собираемся похоронить ее здесь, но я объяснила, что так ее не найдут. Наша собственность – под нашим контролем. Никто не может сюда попасть без нашего разрешения. Наш большой сад ниоткуда не просматривался. И я точно определила место, где надо ее похоронить. Во времена моего детства, за кухонным окном, под платаном, был декоративный пруд. Папа засыпал его, когда умерла сестра. Его каменная кромка, за сорок без малого лет осевшая в почве, очень уместно напоминала могилу.

Закопав тело, Эндрю вычистил и пропылесосил автомобиль, чтобы не осталось следов ткани или отпечатков. Я была намерена соблюсти все предосторожности. По работе Эндрю знал, из-за чего человек может попасть под подозрение. На побережье нас никто не видел, но ни в чем нельзя быть слишком уверенным.

Когда Лоуренс спустился за стол к завтраку, он заметно

хромал. Я старалась казаться веселой:

– Как у тебя дела, милый?

Эндрю прятался за «Айриш Таймс», но я видела, как крепко он вцепился в нее пальцами, чтобы не тряслись руки.

– Лодыжка болит. Споткнулся, когда вчера поднимался по лестнице.

Я быстро осмотрела его лодыжку. Она сильно опухла и, видимо, была вывихнута. Это ставило крест на моих планах отослать его в город. Но я все равно могла ограничить его передвижения – удержать моего мальчика в стойле, так сказать. Я перевязала ему лодыжку и велела весь день не вставать с дивана. Так я могла присматривать за ним и держать подальше от заднего двора, где должно было произойти захоронение. Лоуренс не был активным мальчиком, так что валяться весь день на диване, смотреть телевизор и ждать, пока ему принесут еду на подносе, не было для него тяжким испытанием.

Когда спустились сумерки и дело было сделано, Эндрю разжег костер. Не знаю, что именно он сжигал, но я вложила в его голову мысль, что необходимо избавиться от всех улик: *«Думай об этом как об одном из своих дел. Как обычно разоблачают обман? Будь внимателен!»* Нужно отдать ему должное, он был очень внимателен.

Но Лоуренс – умный мальчик. Он интуит, как и я, и заметил мрачное настроение отца. Эндрю вспылил, когда заявил о желании посмотреть новости, – видимо, он с ужасом

ждал того, что исчезновение девчонки всплывет. Но этого не произошло. Он заявил, что схватил простуду, и рано ушел спать. Когда чуть позже я поднялась в спальню, он закидывал вещи в чемодан.

– Что ты делаешь?

– Я не могу этого выносить. Мне нужно уехать.

– Куда? Куда ты собрался ехать? Теперь мы уже ничего не можем изменить. Слишком поздно.

Тогда он впервые оглянулся на меня, брызжа слюной от злости.

– Это ты во всем виновата! Я бы вообще не встретился с ней – все ради тебя! Мне вообще не надо было в это ввязываться. Это с самого начала была безумная идея! Но ты не могла остановиться, ты была как помешанная! Ты на меня слишком надавила. Я не из тех людей, кто... – Он осекся, ведь выходило, что он именно из тех людей, кто может задушить девушку. Просто раньше он этого не знал. К тому же мой план был идеален. Это он его испортил.

– Я сказала тебе выбрать здоровую девушку. Ты не видел отметины у нее на руках. Она была *героиновой наркоманкой*. Ты не помнишь ту документалку? Ты должен был заметить вены.

Эндрю разразился рыданиями и рухнул на кровать, а я взяла его голову в руки, чтобы заглушить всхлипывания. Лоуренс не должен был услышать. Когда его плечи стали вздрагивать не так судорожно, я вывалила содержимое его чемо-

дана на пол и сложила на комод.

– Убери свои вещи. Мы никуда не едем. Мы будем продолжать жить, будто все в порядке. Это наш дом, и мы семья. Лоуренс, ты и я.

2. Карен

Последний раз я видела Энни в ее съемной квартире на Ханбери-стрит в четверг, 13 ноября 1980 года. Я помню, что у нее, как всегда, было безупречно чисто. Не важно, в каком раздрае находилась ее жизнь, Энни всегда была безумно опрятна – со времен Сент-Джозефа. Одежда была аккуратно сложена на краю кровати, а окно широко открыто: из него в комнату задувал ледяной ветер.

– Ты не закроешь окно, Энни?

– Когда докурю.

Она легла на кровать и затянулась коротенькой сигареткой без фильтра, а я стала заваривать чай. Кружки аккуратно стояли на полочке вверх ногами, ручками вперед. Я обдала чайник кипятком, закинула туда две ложки заварки из баночки с крышкой и залила горячей водой. Энни взглянула на часы:

– Две минуты. Нужно оставить на две минуты.

– Я умею заваривать чай.

– Никто не знает, как делать это правильно.

Именно такие вещи всегда бесили меня в Энни. Она была ужасно упрямая. Было только ее мнение и неправильное.

– Как же холодно. – Она крепко укуталась в свой длинный кардиган, рукава которого свисали ниже кистей. Когда две минуты прошло, мне было позволено налить чай. Я про-

тянула ей кружку, а она вытряхнула свою пепельницу в пластиковый пакет, который аккуратно сложила перед тем, как отправить в мусорку.

– Надежно упаковала? – с сарказмом спросила я.

– Надежно, – серьезно ответила Энни.

Она протянула руку, закрыла окно, а потом распылила в комнате один из тех мерзких освежителей воздуха, от которых можно задохнуться.

– Как мама? – спросила Энни.

– Она за тебя волнуется. Как и папа.

– Ага, ну да, – сказала она, и уголки ее губ поползли вниз.

– В субботу ты почти не побывала. Постоянно куда-то спешишь. Он правда за тебя волнуется.

– Понятно.

Мы с сестрой всегда были очень разные. Мне нравится думать, что я была послушным ребенком, но, возможно, только в сравнении с Энни. В школе я успевала, но мне все давалось легче. Когда мы приходили в магазин, консультанты полностью игнорировали ее и обслуживали меня. Люди хотели что-то для меня сделать, помочь. Энни всегда говорила, что это потому, что я симпатичная, но в этом никогда не было зависти. Мы были до определенной степени похожи. В детстве нас называли «двумя морковками» из-за наших огненно-рыжих волос, но в одном мы, очевидно, различались. Энни родилась с заячьей губой. Ей криво сделали операцию,

так что губа осталась растянута и немного сплющена спереди. И от носа ко рту у нее тянулся шрам. Уголки моего рта приподняты, поэтому я кажусь улыбочливой. Думаю, поэтому все и говорят, что я симпатичная. На самом деле нет. Я смотрю в зеркало и вижу лишь морковку Карен.

Когда мы были совсем маленькими, Энни постоянно попадала. Мы играли с соседскими детьми перед домом, и мама выходила и спрашивала: «Где Энни?», и тогда нас всех посылали ее искать. Она оказывалась на улице дальше от того места, где нам разрешали играть, а однажды Энни запрыгнула в автобус до города, но ее заметила миссис Келли из 42-го дома и вернула домой. Думаю, Энни просто было любопытно. Она хотела заглянуть за каждый угол. Тогда они с папой были близки. Она залезла ему на плечи, и он катал ее на спине по всему дому; я была меньше и боялась такой высоты. Но не успела Энни стать подростком, как у них с папой развязалась война.

У моей сестры была определенная репутация. Мама говорила, что она вышла из ее утробы с ноги и с тех пор не перестает буянить. В средней школе Энни постоянно попадала в неприятности из-за перепалок с учителями, воровства, вандализма, прогулов, драк с другими девочками. Она была умная, это я точно знаю, но для учебы ей не хватало усидчивости. Она медленно читала и еще медленнее писала. Я на три года младше, но когда мне было семь, мои навыки чтения и письма были лучше. Я правда старалась помочь Энни, но

она говорила, что не всегда видит смысл в буквах. Даже если я записывала предложение и просила ее скопировать, слова сбивались в кучу. Она сменила две разные школы, прежде чем бросила учебу в четырнадцать. Энни едва умела писать, но на тот момент ее двумя главными хобби были курение и выпивка. Мама пыталась взывать к разуму, говорила с ней, торговалась, но когда это не сработало, папа прибег к насилию. Он бил ее и запирали в нашей комнате, и я видела, насколько это его убивает. *«Господи, Энни, посмотри, что ты вынуждаешь меня делать!»* – говорил он, а потом затихал и мог не разговаривать по несколько дней. Но это тоже не сработало, и вскоре случилось худшее, что в то время могло случиться в семье. Мы были в неведении четыре месяца.

Перед нами разверзся ад. Ей было всего шестнадцать. Отцом был парень ее возраста, который, естественно, не хотел никакой ответственности и говорил, что ребенок может быть от кого угодно. Они с его семьей вскоре переехали. Папа позвонил нашему приходскому священнику, и они с полицейским увезли Энни в Сент-Джозеф на черной машине. После этого я не видела ее почти два года.

Вернулась Энни полностью изменившейся. Именно тогда у нее появились тики и помешанность на чистоте. Она никогда раньше такой не была. Ее густые рыжие волосы исчезли, потому что ее обрили. Она была болезненно худой. В первую ночь после ее возвращения, когда мы остались в нашей общей комнате, я спросила, как ей жилось в стенах Дома мате-

ри и ребенка⁵. Она сказала, что это был ад на земле, о котором она хочет забыть. Она рассказала мне о том дне, когда родился ребенок. Это было 1 августа. Она назвала ее Марни. *«Она была идеальна, – сказала Энни, – даже ее рот был идеальный»*. Когда я спросила, что случилось с ребенком, она отвернулась к стене и заплакала. Первые два месяца после возвращения она прятала еду под кровать. Подскакивала от малейшего шума. Ни Энни, ни родители не упоминали о ребенке. Мы пытались вести себя нормально, а Энни пыталась освоиться. Папа устроил ее уборщицей в пекарню, где работал. Ее волосы снова отросли, но теперь она красила их в черный. Очень глубокий иссиня-черный. Это была демонстрация протеста.

Через несколько месяцев, 1 августа, я купила Энни подарок в «Данделион Маркете»: браслет с металлической пластиной. Я попросила выгравировать на ней «Марни». Я долго на него копила, но на самом деле он был не серебряный, так что быстро потускнел. Но с тех пор она ни разу его не снимала. Однажды папа спросил:

– Что это за штуку ты носишь?

⁵ Приюты Магдалины, или Дома матери и ребенка, – сеть воспитательно-исправительных учреждений монастырского типа для забеременевших вне брака женщин, существовавшая с конца XVIII века и до конца XX века. Наибольшее распространение получили в католической Ирландии. Первоначально их миссия состояла в том, чтобы помочь «падшим женщинам» вновь найти свое место в обществе. Однако к началу XX века приюты все больше становились институтами наказания и принудительного труда.

Она ткнула ему запястьем под нос, но он не смог разобрать буквы гравировки.

– На нем написано «Марни», – сказала она. – Имя твоей внучки, если тебе интересно.

Постепенно Энни взялась за старое. Начальник папы уволил ее из пекарни за паршивую работу. После этого холод между ней и папой стал настолько невыносимым, что она уехала из дома. Признаюсь, я была рада, когда она ушла.

Хотя сама Энни всегда была бунтаркой, но когда дело касалось моей учебы, она упорно настаивала, чтобы я делала всю домашнюю работу и держалась подальше от неприятностей.

– У тебя есть мозги *и* внешность, Карен, – говорила она. – Тебе нужно пользоваться и тем и другим.

Наверное, я и правда была достаточно умной, и мне нравилось учиться, но очень много сил я тратила на то, чтобы стереть позор, которым нас обеих покрыла Энни. Мои учителя это замечали. «*Да вы с сестрой совсем из разного теста!*» – как-то сказала мисс Доннелли, поставив мне четверку за тест по английскому. Когда в пятнадцать лет я собралась уйти из школы, чтобы пойти на фабрику «Лемонс», мисс Доннелли поговорила с мамой и папой и сказала, что я могла бы остаться и получить аттестат. Родители были в восторге, а Энни – просто на седьмом небе. «*Ты смоешь с меня клеймо!*» – говорила она.

Я не была гением по природе, но усердно занималась, чтобы гордость мамы с папой оправдалась. Потом, когда я получила достаточно неплохие оценки, зашел разговор об университете. Я знала, что мое обучение в школе обременяло родителей, ведь в это время я должна была работать. На колледж я вполне могла заработать сама, но была не уверена, чем хочу заниматься. Моими профильными предметами были литература и искусство, но если бы я пошла изучать в колледж английский, то потратила бы три года на получение степени бакалавра и еще один – на диплом, только чтобы потом стать учительницей. А если бы выбрала искусство, то пришлось бы идти в художественный колледж, а мама говорила, что для художников никогда не будет работы. К тому же для университета у меня был неподходящий акцент.

Мама решила, что мне нужно пойти на курсы секретарш. Кое-где все еще требовались машинистки, хотя мест было ничтожно мало. Эта идея мне понравилась гораздо больше, и Центр занятости предлагал шестинедельные курсы для девушек с хорошим аттестатом. Энни была во мне разочарована: *«Ты могла бы пойти в колледж, могла бы получить грант!»* Она не понимала моих сомнений. Во мне не было ее любопытства. Она была рада, что я осталась в школе, но при этом, когда напивалась, дразнила меня за длинные слова, которые не понимала.

Периодически Энни подрабатывала уборщицей тут и там, но в основном сидела на пособии и ютилась в небольшой

комнатке недалеко от нас. Иногда мама тайком подкидывала ей денег. Во время ее воскресных визитов папа делал вид, что рад дочери, но мне кажется, он стыдился ее, хотя и отрицал это. Он не понимал, почему она так отличается от всех нас. Папа, мама и я упорно работали, чтобы себя прокормить. Мы были тихими людьми и старались избегать проблем. Энни же их искала.

Закончив курсы, я получила должность в химчистке: печатала счет-фактуры и еще немного вела бухгалтерию. Не могу сказать, что была в восторге, но там я встретила Десси Фенлона. Многие мужчины, с которыми я сталкивалась, были ужасными пошляками, отпускали комментарии насчет моей фигуры и делали грязные намеки. Но Десси был другим. Учтывим, что ли. Однажды я видела, как он дал одному из парней затрещину за то, как тот разговаривал со мной. Десси был одним из водителей. Он был жутко застенчивым, и прошло шесть месяцев, прежде чем он набрался храбрости и пригласил меня на свидание. Мне кажется, он считал, что у нас слишком большая разница в возрасте. Ему было двадцать шесть – на несколько лет больше, чем мне. Лучшими моментами в работе было, когда он приезжал забрать или скинуть заказ, и мы болтали и флиртовали как сумасшедшие. И потом мы начали встречаться по-настоящему. Он говорил, что не мог поверить своему счастью, когда я согласилась на свидание. Когда всем в конторе стало понятно, что мы с Десси Фенлоном пара, комментарии прекратились.

Десси был тихим, но мог взбеситься, если его разозлить. У него была репутация драчуна, и в свое время он раздал много тумачков.

Работа была нудная, и большую часть времени я скучала, но зарабатывала достаточно, чтобы тоже съехать из дома. Я сказала Энни, что мы могли бы снимать квартиру вместе, но ее не очень воодушевила эта идея. Я была разочарована. Я рассказала маме, а та – папе. Он сказал: *«Не съезжайся с Энни. Она утянет тебя на свой уровень»*. Теперь я думаю: если бы мы тогда съехались, может, все было бы по-другому? Интересно, помнит ли папа об этих словах? Гнетет ли его это? Я не хочу ему напоминать. Он и так страдает. Как и все мы.

В последний день, когда я видела Энни, она нервничала, но была явно взбудоражена. Говорила, что хочет купить мне настоящий набор для рисования, ведь, как она знала, мне по-прежнему нравилось писать и рисовать. Мне стоило обрадоваться обещанию такого подарка, но я слишком хорошо знала Энни. Ее раздражало, что я не прыгаю от восторга, но сестра постоянно обещала мне что-то купить или чем-нибудь вместе заняться, и в итоге это очень редко случалось.

– Настоящий набор. Я видела его в витрине «Кларкс» – краски в тюбиках в большой деревянной коробке и всякие разные кисти. Только акварель и чернила, никакого масла. Видишь? Я все помню, что ты мне говорила про свои рисовальные штуки – я знаю, что ты не любишь масло. Он рос-

кошный! Коробка выглядит старомодно, но набор совершенно новый, и там куча всего! Куплю его тебе в субботу утром. Правда. Обещаю. Заходи в субботу, только днем.

– И откуда у тебя деньги на него?

– Это не важно, у меня будут деньги.

– Ага.

– *Будут.* Ты мне не веришь, Карен?

Было легче подыграть, но я знала, что этого никогда не случится. Как в тот раз, когда мы должны были пойти на ужин в «Шерис» на Эбби-стрит несколько недель назад и я прождала ее полчаса у дверей на холоде, а она так и не появилась. А когда я позвонила ей, сестра сказала, что была занята и мы сходим в следующий раз.

Несмотря на все это, я любила Энни. Она хотела для меня самого лучшего, хотела, чтобы я училась на ее ошибках. Она предостерегала меня от мужчин, говорила, что я слишком хороша для парней вокруг, и уверяла, что я должна сбереечь себя для кого-то особенного. Я не всегда ее слушалась. Никто не мог так меня рассмешить, как Энни, и хотя жизнь в Доме матери и ребенка лишила ее былой жизнерадостности, но старые искорки снова начали проступать перед ее бесследным исчезновением.

– Обещаешь, что позвонишь в субботу? Около трех, ладно? Не терпится увидеть твое лицо, когда ты его откроешь.

Так что я пообещала, не смея надеяться, что сестра сдержит свое слово, но даже не предполагая, что больше никогда

ее не увижу.

– Конечно, – сказала я. – Мы придем с Десси.

Ее лицо помрачнело. Сначала они поладили довольно неплохо, хоть он и посчитал ее немного диковатой. Ему не нравилось, как сильно Энни напивалась, и он, как и отец, не любил, когда я проводила с ней слишком много времени. Когда я рассказала ему о беременности Энни и ее жизни в Сент-Джозефе, его отношение к ней ухудшилось. *«Она одна из тех потаскух? – сказал он. – И кто отец? Или она даже не знает?»*

Это было просто отвратительно. После такой реакции я еще несколько недель его игнорировала и избегала общения на работе, но он не сдавался и в итоге сломил меня с помощью охапки цветов и письменного извинения. Он сказал, что не должен был обзывать мою сестру. Но если Десси, который, в общем-то, был хорошим и добрым, так о ней думал, значит, так думали и остальные. С тех пор он всегда чувствовал себя некомфортно в ее компании, а Энни не была идиоткой.

– Что не так с твоим приятелем? – как-то спросила она, когда мы были в «Викинге». – Он все время так торопится уйти.

– Ему просто не очень нравится этот паб.

И это было правдой. «Викинг» был довольно суровым местечком и располагался в полузаброшенной части города. Тут и там сновали юные нюхальщики клея. Десси однажды возмутился тем, что мы должны встречаться с ней здесь, но

Энни была человеком привычки. «*Там полно алкашей!*» – сказал он, но я резонно указала, что то же самое можно сказать почти про все бары в Ирландии. Энни, очевидно, была там популярным персонажем и одной из самых молодых постоянных посетительниц. Поздним вечером начиналась музыка, и Энни, уже в очень помятом виде, начинала громким голосом петь *Do Ya Think I'm Sexy* или *I Will Survive*. Десси этого не переносил. «*Она делает из себя посмешище*», – говорил он, и хоть иногда я с ним соглашалась, она хотя бы попадала в ноты и помнила все слова. Я не собиралась мешать Энни веселиться.

Когда я позвонила ей в квартиру в субботу, Десси со мной не было – я решила его не брать. Я не сильно удивилась, когда сестры не оказалось дома. Я позвонила ей вечером, и девушка, которая отвечала на телефон в холле, сказала, что передаст сообщение.

В воскресенье у мамы и папы Энни тоже не появилась. Обед после дневной службы был единственным семейным ритуалом, которого мы все еще придерживались, и в большинстве случаев Энни все-таки объявлялась.

– Ма, она звонила тебе, говорила, что не придет?

– Не звонила, вертихвостка, – сказал папа, который воспринимал легкомысленное поведение Энни как личное оскорбление.

Я попыталась сгладить:

– Может, она простудилась – в квартире была холодрыга, когда я приходила к ней в четверг.

– Она не включает огонь на плите?

– Включает, но вы же знаете, она всегда открывает окна, когда курит.

– Курить она у тебя научилась, – сказала мама папе.

– Только этому она у меня и научилась, Полин. Вот что я тебе скажу.

Я сменила тему и спросила папу, не собирается ли он на собачьи бега в четверг.

На следующий день, в понедельник, я еще раз зашла к ней вместе с Десси, и снова никто не открыл, но зато мы поймали другую девушку, выходявшую из квартиры. Всего в двухэтажном доме было три комнаты плюс общая ванная. Я спросила, видела ли она Энни.

– Нет, еще с четверга или пятницы – теперь, когда вы спросили, я вспомнила. Я подумала, она уехала. Меня обычно будит ее радио.

Тут я впервые немного забеспокоилась. Энни не уехала бы, не предупредив меня. К тому же куда ей было ехать?

– Может, она с каким-то парнем? – предположил Десси, но сразу захлопнулся, когда я сердито на него взглянула.

Обычно мы связывались два или три раза в неделю, но до самой среды от нее не было вестей. Я позвонила маме, но с ней Энни тоже не разговаривала.

– Она что-нибудь говорила про то, что хочет уехать?

– Ни слова. Это странно.

Я была еще у них, когда из пекарни вернулся папа.

– Наверное, где-нибудь валяется пьяная. Объявится.

– Она никогда раньше не исчезала так надолго. Прошла почти неделя.

– Когда ты последний раз ее видела?

– В прошлый четверг. Она сказала мне зайти в субботу. Обещала, что будет дома.

Я не стала говорить про набор для рисования. Какой смысл?

– Обещала, правда? – с сарказмом проговорил папа.

К пятнице мы так и не смогли связаться с Энни, и уже все поняли, что что-то не так. Мы с папой пошли к ней в квартиру, пока мама обзванивала друзей и нескольких девочек, с которыми она работала. В квартире Энни один из жильцов сказал, что ее не было всю неделю. Мы позвонили ее хозяину по телефону в холле, и он приехал: огромный потный мужчина с большим носом, жалующийся, что его побеспокоили после шести вечера. Он впустил нас в ее комнату, позвякивая увесистой связкой ключей. Внутри все, как всегда, было с иголки, но вся одежда, что у нее была, висела на своем месте в шкафу, не считая пальто в елочку, шерстяного платья без рукавов, которое мама подарила ей на день рождения, и фиолетовых сапог до колена. Мне не хотелось рыться в ее

вещах, но даже беглого взгляда хватило, чтобы понять: ни в какую поездку Энни не собиралась. Ее продолговатая спортивная сумка по-прежнему лежала под шкафом. В раковине стояла единственная кружка с пятном плесени на дне.

– Она бы никогда ее так не оставила, пап, если бы куда-то собиралась. Может, на несколько часов, но она тут уже много дней.

Хозяин заявил:

– Срок ее аренды заканчивается на следующей неделе, знаете ли. Я не собираюсь оставаться с пустыми карманами.

– А не заткнулся бы ты! – рявкнул папа, и внутри я восторжествовала, потому что он заступился за Энни, а я не слышала такого уже очень давно. Хозяин выпроводил нас и сказал, что если не получит арендную плату на следующей неделе, то выставит вещи Энни на лестницу.

Когда мы вернулись домой с новостями, маме уже поплохело от волнения. Никто из друзей Энни не видел ее больше недели, а еще она не пришла ни на одну из двух подработок в центре города. Из-за одного этого еще не стоило бить тревогу, но моя робкая мама отважно отправилась в «Викинг» на ночь глядя. Завсегдатаи знали Энни, но сказали, что она не заходила уже с неделю.

– Думаете, она снова залетела и вернулась обратно в Сент-Джозеф? – сказал папа с нарастающей тревогой в голосе.

– Она бы никогда туда не вернулась, па, даже через тысячу лет. Я это точно знаю. – Мама со мной согласилась. – И даже

если бы она забеременела, зачем ей было уходить без одежды и сумки?

– Я звоню в полицию, – сказал папа в пятницу, 21 ноября 1980 года.

3. Лоуренс

Я очень отчетливо услышал, как он это сказал.

– Выходные после 14 ноября? Дайте подумать... Погодите... Сейчас... Ах да. Я был здесь вместе с женой. А почему вы спрашиваете, гарда?⁶

– Все выходные? И вы не выходили из дома?

– Ну да, я пришел с работы в пятницу около шести и больше никуда не ходил.

Это была ложь.

– И здесь были только вы и ваша жена? Больше никого?

– Мой сын гулял в пятницу вечером. Но, думаю, он вернулся до полуночи. А в чем дело?

– Дело в том, сэр, что... В последние месяцы рядом с домом пропавшей женщины видели машину, сэр... Похожую на вашу, сэр. Старый «Ягуар».

Тон у полицейского был нервный, заискивающий. Слишком много «сэров». Было ясно, что он вытянул короткую спичку, когда его послали допрашивать моего отца. Или судью Фитцсимонса, как он был известен в последнее время.

– А могу я узнать ваше имя? – спросил отец. Хоть я не мог его видеть, я уловил в его голосе нотки высокомерия и еще странную дрожь, которой раньше не было. Дверь кухни за моей спиной была лишь слегка приоткрыта, и приходилось

⁶ Гарда (*англ. garda*) – низшее звание в полицейской службе Ирландии.

напрягать слух, чтобы услышать, что происходит на пороге.

– Муни, сэр. Простите, что я вынужден об этом спрашивать, но...

– И какое конкретно у вас звание, *Муни*? – Он задержался на «у-у» в «Муни».

– Я детектив, сэр.

– Понятно. То есть не сержант и не инспектор?

Я знал этот тон. Отец мог быть груб и презрителен с незнакомцами и иногда будто с цепи срывался. Порой он меня пугал. Не уверен, что специально. Он просто таким был.

Моя мать, сидевшая на противоположном конце стола, насмешливо на меня взглянула.

– Это твоя пятая картошка, Лоуренс? Давай быстрее, пока отец не смотрит.

Я не считал.

Мать поднялась, пробормотав что-то про сквозняк. Закрыла дверь за моей спиной, включила радио и начала невпопад мычать под заигравшую песню. Я ничего не сказал, но теперь никак не мог услышать то, что обсуждали у входной двери.

Отец только что сознательно солгал полиции. Признаюсь, меня поразила его ложь. Его спрашивали о том, где он был почти две недели назад. Я очень хорошо помнил этот пятничный вечер, потому что у меня было собственное приключение. Я тоже солгал о том, где был. Я сказал родителям, что пойду в кино с друзьями из школы, хотя на самом деле

терял девственность с Хелен Д'Арси, которая жила в Фоксфорд-парке всего в двадцати минутах ходьбы от нас.

Я не собирался терять девственность с Хелен на нашем первом настоящем свидании. Я не находил ее физически привлекательной. У нее были очень красивые шелковистые светлые волосы, но ее телосложение было одновременно и массивным, и слишком худощавым. Ее лицо, казавшееся неестественно широким, сидело на цыплячьей шее. Моя кожа по сравнению с ее была безупречна, но, наверное, потому что растянулась.

Я пошел к Хелен домой просто потому, что она меня пригласила. Я получал не так много приглашений.

Она нагнала меня по дороге домой из школы несколько недель назад. Шел дождь, как обычно. В школе был кошмар. Я начал учиться в школе для мальчиков «Сент-Мартин» только в прошлом январе. Все из-за Чертова Падди Кери. Я очень старался, чтобы родители не узнали, насколько сильно меня травят в новой школе. Там была отдельная группка из четырех-пяти парней – сила есть, ума не надо. После первого месяца они особо не нападали на меня физически, зато крали учебники, уродовали их мерзкими надписями, а иногда стягивали у меня ланч и заменяли его на такие гадости, что и говорить не хочется.

Хелен была из платной школы поближе к городу, но жила рядом с нашей. Я слышал истории о ней от других мальчиков в нашем классе. Я сразу почувствовал с ней родство,

потому что хулиганы из моего класса, похоже, испытывали к ней такое же презрение, как и ко мне.

Я услышал ее раньше, чем увидел.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Я обернулся. Юбка ее зеленой униформы из какой-то шерстистой ткани местами была протерта до блеска, а с одной стороны подола свисала нитка. Я заметил, что с внутренней стороны ее воротничок тоже истончился и истрепался.

– Лоуренс. Фитцсимонс.

– А, да, я слышала про тебя. Почему они называют тебя Бегемот? По мне, ты выглядишь нормальным.

Я сразу к ней потеплел.

– Я и *есть* нормальный. Я просто им не нравлюсь.

– Ну, кому не насрать, что им нравится? Ты живешь на Бреннанстаун-роуд? Я тебя видела.

Я жил в Авалоне, огромном особняке с ухоженным садом в конце улицы, но сомневался, стоит ли ей об этом говорить. Кажется, ее не волновало, отвечаю я на ее вопросы или нет. Мы по-приятельски зашагали дальше. Когда мы проходили мимо «Кафе у Триши», она предложила мне купить ей колы. Я засомневался.

– Ладно, тогда давай я тебе куплю, – сказала она, толкнув стеклянную дверь. Было бы грубо не пойти с ней. К сожалению, хулиганы тоже были тут – сидели рядом со стойкой.

– Хрю-хрю! – крикнул один из них в нашу сторону.

– Сраные придурки, – сказала Хелен, – не обращай вни-

мания.

В Авалоне у нас очень редко звучало сквернословие, но сейчас, в течение всего пяти минут, я услышал «сраные» и «насрать». От девочки. Я тоже иногда сквернословил, но вслух – никогда.

Хелен хладнокровно направилась к стойке и вернулась с двумя колами.

Я пихнул ей два десятипенсовика.

– Ты не обязан. Ты не должен звать меня на свидание только потому, что я заплатила.

На свидание?

– Я хочу заплатить. Это честно.

– Ладно, – сказала она. Затем в разговоре возник перерыв, пока мы потягивали колу через тонкие трубочки. А потом она сказала: – Ты был бы очень симпатичный, если бы не был толстым.

Для меня не было новостью, что я толстый. Мама говорила, что это детский жирок и он скоро рассосется. Но мне было семнадцать. Отец говорил, что я слишком много ем. А весы говорили – сто килограмм. Я не всегда был таким большим, но в последнее время, со сменой школы, мои пищевые привычки совершенно вышли из-под контроля. Чем напряженнее и несчастнее я себя чувствовал, тем голоднее становился. Я люблю еду, а особенно ту, от которой толстеют. Но это был первый раз, когда кто-то помимо родителей сказал, что я толстый, без отвращения.

– У тебя красивые волосы, – сделал я ответный комплимент. Вид у нее был очень довольный.

– Я тоже люблю поест, наверное, я ем даже больше тебя, – сказала она. Очевидно, Хелен не имела никакого представления, сколько еды я могу уничтожить. – Если поделишься со мной кило двадцатью, мы оба будем идеальны.

После этого мы с Хелен встречались еще несколько раз. Покупали колу по очереди. Однажды Хелен сказала:

– Не хочешь зайти ко мне домой завтра вечером?

– Зачем?

– Пообщаться? Отметить начало выходных? – ответила она, будто приглашение в дом к девушке было чем-то абсолютно нормальным. – Моя мама сделала просто потрясающий торт, который выбросят, если не доедим.

Мы знали друг друга всего несколько недель, но она уже понимала, на какие нужно жать рычаги. Встреча была назначена после школы, адрес я записал на обложке тетради.

Дома тем вечером я пытался вести себя легко и непринужденно.

– Завтра я не приду на ужин, собираюсь в кино с парой ребят, – соврал я настолько натурально, насколько мог. С ожесточенной сосредоточенностью я уперся в тетрадь. Папа встрепенулся: он был в восторге.

– Ну что же, это здорово, просто здорово! Идешь погулять с друзьями, да? Что будете смотреть? Вроде бы выходят

новые «Звездные войны», нет?

Мы ходили на «Звездные войны» вместе, всей семьей. Нам с папой понравилось, но мама зажимала уши во время взрывов и подскакивала при каждом ударе светового меча. После этого она поклялась никогда больше не ходить в кино.

– «Герби сходит с ума»⁷, – уверенно сказал я, стараясь игнорировать заливающую меня от самой шеи краску.

– Понятно, – сказал отец, несколько скиснув и растерявшись. – Но это же будет весело, да, сходить куда-нибудь с друзьями?

Он многозначительно посмотрел на маму, явно довольный, что я наконец-то завел друзей. Но она была слишком сосредоточена на нарезании чизкейка. Я попытался подергать ее за рукав, чтобы она отрезала мне кусочек побольше, что она со вздохом и сделала, покачав головой.

– Я возьму этот, – сказал папа. – Дай парню поменьше.

От него ничего не ускользало.

– Только будь дома к полуночи.

– К полуночи? Но мы даже не знаем этих людей...

– Это не обсуждается, Лидия, – закрыл тему отец.

Полночь. Я был поражен! Я никогда никуда не отпрашивался – мне это было и не нужно, – но полночь выглядело щедро. Спасибо, папа. Но теперь мне предстояло свидание с

⁷ «Герби сходит с ума» (англ. *Herbie Goes Bananas*) – американский приключенческо-комедийный фильм. Входит в серию семейных фильмов о живом автомобиле по имени Герби.

Хелен. Я был полностью уверен, что это настоящее свидание. Меньше чем через двадцать четыре часа. Отчасти я ждал его с нетерпением, отчасти – с ужасом.

Подготовка к первому свиданию – дело непростое. Это я выяснил благодаря обложке журнала «Джеки», которую увидел в газетном киоске. Оказалось, что есть десять шагов. Два из них я угадать смог – свежее дыхание и цветы.

Немного поразмыслив, я решил, что если для девушек шагов было десять, то для парней могло быть только два. В плане свежего дыхания я был на высоте. Когда мы вышли из кафетерия, я купил себе новую зубную щетку и пасту с ментолом и эвкалиптом, хотя в итоге она чуть не выжгла мне рот. Я подумал, что если это настолько больно, значит, должно быть эффективно.

Цветы. Был ноябрь. Но в оранжерее отца выросли очень красивые розово-белые гвоздики, набег на которые я совершил, пока родители смотрели девятичасовые новости. Я упаковал свою добычу в фольгу и аккуратно положил на учебники в своем портфеле.

В эту судьбоносную пятницу отец дал мне два фунта после завтрака и сказал как следует повеселиться. В то время деньги в нашем доме были чувствительной темой. Папин бухгалтер, Чертов Падди Кери (это было единственное ругательство, которое я слышал от отца), год назад присвоил наши деньги. Отец был вне себя. Нам было запрещено кому-то

об этом рассказывать. Бухгалтер был близким другом – во всяком случае, так думал папа. Несколько больших клиентов Кери серьезно прогорели, и эти истории постоянно мелькали в СМИ. Но пока что имя моего отца публично не упоминалось. Он чудовищно из-за этого переживал; его приводило в ужас, что Падди Кери его обдурил и что он больше не сможет обеспечивать моей матери стиль жизни, к которому она привыкла. У нас целый год стояли крики, хлопанья дверьми и разговоры о затягивании поясов. Так что получить от отца два фунта, даже не спрашивая, было максимально неожиданно. Я подумал, что теперь мог бы купить магазинных цветов, но поскольку у меня уже были свои, это была бы бесполезная трата. Я сомневался, на что стоит потратить эти деньги.

К тому времени, как в школе прозвенел последний звонок, я уже умирал от предвкушения. Сама мысль об альтернативе обычному пятничному ритуалу – домашняя работа, ужин, просмотр «Бонанзы» и «Придурков из Хаззарда»⁸ по телевизору в одиночестве, потом девятичасовых новостей и ток-шоу с мамой, перекус и сон – невероятно будоражила. Папа по пятницам обычно ужинал и выпивал с коллегами. Маме не нравилось выходить в свет, и она постоянно была дома. Но этим утром папа особенно упирал на то, что раз уж я иду гулять, то он вечером останется дома с мамой. Значе-

⁸ «Бонанза» (*англ.* Bonanza) и «Придурки из Хаззарда» (*англ.* The Dukes of Hazzard) – американские комедийные телесериалы, популярные в 1970–1980-е годы.

ние этих заявлений станет понятным гораздо позже, когда в нашу дверь постучит полиция. А в тот момент для меня это значило только то, что я уже не смогу отвертеться от встречи с Хелен. Потребуется слишком много объяснений, и будет невыносимо видеть разочарование отца.

Наконец я стоял на пороге дома Хелен. Он располагался в жилом квартале с общественной зеленой лужайкой перед домами. Мне стало интересно, каково это – почти каждый день видеть соседей, снующих туда-сюда. Деревянная калитка вяло висела на одной петле, белая краска облупилась. Отец бы никогда не допустил, чтобы Авалон пришел в такой упадок: все сломанное или поврежденное сразу заменялось или латалось, вне зависимости от наших меняющихся обстоятельств. Для него внешний вид имел значение. Я решил, что родители Хелен более безалаберные. У них не было длинной подъездной дорожки и большой территории, как у нас, только небольшой садик перед домом и засыпанная гравием площадка для автомобиля. Которого на ней не было.

Я очень удивился, когда Хелен открыла дверь. Мы оба только вернулись из школы, но она нашла время переодеться, завить волосы (ее прямые шелковистые волосы были единственным, что мне на самом деле в ней нравилось) и нанести макияж. Помада была темно-бордового цвета и отпечаталась на зубах. Черные, похожие на кожаные джинсы недостаточно облегли ее тощие ноги, чтобы достичь, как

я предполагал, желаемого эффекта (Сэнди из «Бриолина»). Хелен выглядела как настоящая взрослая. Я сразу оказался в уязвимой позиции. В своем тесном форменном блейзере я, как ни печально, по-прежнему оставался школьником.

– И-извини, – промямлил я, – я не успел переодеться...

Но Хелен была ужасно рада меня видеть.

– Заходи!

Она встретила меня даже слишком восторженно. Боялась, что я не приду?

Дом провонял сигаретным дымом и был перегружен цветочными узорами. Половики, занавески, обивка, скатерти, ковры, подушки, обои... Я как будто попал в ботанический сад. А еще повсюду были нацарапаны слова – на стенах, на зеркалах. На всех горизонтальных поверхностях лежали стопки бумаг и книги самых разных размеров и видов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.